

живой мыслящий индивид. Когда эта возможность исчезала, наступал распад личности, а затем и физическая смерть.

Ещё одно важное обстоятельство, на котором автор не концентрирует внимание, но которое достаточно очевидно читателю – это социальный статус тех, чьи этические нормы анализируются в монографии. В основном это питерская интеллигенция. Однако понятно, что население города ею не исчерпывалось. Таким образом, читателям предстоит самим искать ответ на вопрос, являлась ли анализируемая в книге блокадная этика групповой этикой ленинградской интеллигенции или описанные этические нормы были характерны для всех слоёв?

Книга С.В. Ярова «Блокадная этика» одновременно является и экзаменом исследовательской этики историка: насколько широки границы допустимого анализа и этично ли описывать физиологический процесс голодной смерти и нравственного распада личности? Насколько этично подвергать сомнению устоявшееся с советских времён представление о героизме блокадников? Ведь в этом случае мы должны признать, что подвиг жителей блокадного Ленинграда был вынужденным и о героизме жителей нужно говорить в другом, непривычном толковании этого слова.

Дмитрий Журавлёв: Как реконструировать стратегию выживания тех, кто не писал дневников?

С.В. Яров проделал огромную многолетнюю работу по поиску и выявлению источников в библиотеках и архивах Санкт-Петербурга. Он использовал также многочисленные опубликованные документы по данной теме и сам ввёл в научный оборот крайне интересные материалы⁵³. Важным является и то обстоятельство, что он принимал участие в реализации проекта на базе Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, в рамках которого проходил опрос жителей блокадного Ленинграда.

В привычном для нас представлении блокада рисуется в чёрно-белом цвете, как в буквальном, так и в переносном смысле – трагедии и подвига Ленинграда. Яров же показывает, что в блокадных условиях мало что было однозначным и бесспорным. Установившиеся в довоенное время нормы утратили свою силу в экстремальных условиях. Ненависть и агрессия, которые в обычных условиях имеют негативную окраску, помогали противостоять всей суровости блокадного периода – воровству, жестокости, обману. Но как далеко заходила эта трансформация человека, когда в результате он не только мобилизовал свои внутренние силы и эмоции для борьбы с негативом, но и внутренне менялся сам?

В нескольких предыдущих своих работах Яров блестяще проанализировал поведение различных слоёв петроградского общества в первые годы советской власти⁵⁴. В обсуждаемой сегодня монографии ему также в полной мере удалось выявить основные черты существования горожан в экстремальной ситуации. У каждого ленинградца была своя модель выживания, жизни, существования. Но чрезвычайно сложно установить динамику отхода от моральных норм,

---

⁵³ Сохрани мою печальную историю... Блокадный дневник Лены Мухиной. СПб., 2011.

⁵⁴ Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999; *он же*. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.

типичность нарушений и возвращения к «норме». Это и не являлось задачей автора, для него главным было в полной мере представить разнообразие тактик и моделей, установок и лазеек, которые использовались для выживания жителями города, а также попытаться объяснить их поведение.

Особое внимание привлекает раздел, посвящённый «дистрофикам». В нём Яров смог проанализировать не только возникновение и смысл этого понятия в период блокады, но и отношение к «дистрофикам» со стороны общества. Он показал, что дистрофия становилась не просто медицинским диагнозом, но образом, которого боялись, от которого отстранялись. Возможно, автору стоило бы по той же модели выявить отношение ленинградцев к другим болезням, изучить, как больные проходили через лечебные учреждения, как возвращались к прежней жизни. Стоит отметить и анализ в книге такого блокадного явления, как очереди, которые из хаотичного собрания горожан превращались в особое пространство, «сцепление» людей.

Думается, что анализ блокадных воспоминаний и дневников будет полезен и для начинающих исследователей, так как Сергей Викторович чётко определил особенности указанных источников, выделил их сильные и слабые стороны. В монографии также показано, как относились блокадники к своим дневникам позднее, в мирное время, и это ещё один пласт исследования.

В качестве замечания следует отметить, что в книге представлены не все модели существования в блокадном городе, ибо в нём жили и те, кто не писал дневников и писем, и их стратегию выживания в этот период мы можем реконструировать лишь фрагментарно. У меня возникло также немало вопросов, связанных с основными положениями монографии. Можно ли говорить о «блокадной этике» как уникальном явлении, или это частный случай феномена выживания человека в экстремальных условиях? Всегда сложно говорить о нравственных характеристиках, когда имеешь дело с материалом ушедшей эпохи. Насколько можно трактовать их в современных понятиях?

Возможно, для максимально полного анализа происшедшего в блокадном городе надо отстраниться от ленинградского дискурса, от героики и ужасов происшедшего, быть в большей степени независимым, не откликаясь на образы и представления, укоренившиеся в сознании тех, кто вырос в Ленинграде. Может быть, это удастся будущим поколениям историков, которые смогут использовать в своей работе уже существующие научные труды, в том числе и фундаментальное исследование С.В. Ярова.

Алексей Богомолов: Прошлое никуда не ушло

Читатель, открывающий книгу С.В. Ярова, несколько неожиданно для себя начинает знакомство с текстом научной монографии с эпиграфа из «Гамлета». По прочтении следующих страниц становится понятно, что слова Шекспира как нельзя более уместны: «Господи, мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем можем стать». Впрочем, не худшим эпиграфом могли бы стать и более простые и не столь давние слова одной из блокадниц, записанные уже в начале 2000-х гг.: «Вы неудачно попали, если хотите услышать что-нибудь положительное»⁵⁵.

События ленинградской блокады зафиксированы с точностью до дня, описаны во множестве научных и популярных книг, а наиболее «знаковые» факты

⁵⁵ См.: Интервью с С.П. Сухоруковой // Нестор. 2003. № 6. С. 177.